

Оригинал здесь -- <http://slovník.narod.ru/old/barancevich/index.html>

I.

Что это шумить, Алена? Колеса, что-ли?

- Какое тебѣ колеса, Господь съ тобой, Гаранюшка!

- Колеса, право колеса! Нешто мельница работаетъ?

- Да не работаетъ она, Гаранюшка, ужъ четвертый день!

Полно, тебѣ! Померещилось, видно! Вонъ ты какой горячій!

- Шумить! Я тебѣ говорю - шумить! Вонъ и вода бѣжитъ вонъ, вонъ, такъ и дробится подъ колесомъ, что жемчугъ разсыпается! А жемчугу-то, жемчугу сколько!

Больной Герасимъ вскочилъ съ кровати и, указывая на полъ рукой, бросился къ двери.

- Куда ты, куда ты! - крикнула жена, уцѣпившись за край рубахи, - Вася, Иванъ, помогите!

Дверь свѣтелки открылась и вошелъ здоровый, рослый мужчина, братъ Герасима - Иванъ.

- Ты что шумишь? Зачѣмъ всталъ? - спросилъ онъ брата.

Но тотъ, не слыша вопроса, тянулся къ двери, указывая на полъ.

- Вонъ, вонъ, бѣжитъ. Пѣна клубится! - говоритъ онъ.

- Мерещится ему, Иванъ! Тѣло-то какъ огнемъ пышетъ!

Иванъ молча взялъ брата за руку, отвелъ къ кровати и положилъ.

- Лежи! сказалъ онъ строго, - полно тебѣ!

Больной пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

- Иванъ! - произнесъ онъ тихо.

- Узналъ?... Слава тебѣ Господи! - заговорилъ братъ, кладя свою большую, тяжелую руку больному на плечо.

Лицо того все болѣе и болѣе прояснялось. Щеки поблѣднѣли, опали, глаза сдѣлались кроткими, спокойными и жалостливо смотрѣли на брата.

- Узналъ, да! - прошептала больная, - ты Иванъ, а вонъ жена... Алена... горница моя... да, узнаю все!... Шубу... шубу дай!...

- На что тебѣ шуба?

- Прикрой, холодно... При-к-к-к-ро-о-ой, бр-р-р-ать!..

Его начала тряссти лихорадка. Онъ съежился, поводитъ худыми, острыми плечами, подкорчивалъ ноги. Онъ никакъ не могъ согрѣться, и все тянулъ шубу - до самой головы.

- Поди-ко, Алена, завари ему теплаго чего, малины, что-ли! - сказалъ Иванъ, -можетъ согрѣется!

Елена Тимофеевна вышла изъ горницы.

Въ незапертую дверь заглянула курчавая голова мальчика и скрылась, потомъ опять заглянула. Мальчику и хотѣлось подойти къ отцу и боязно было, - до того измѣнила болѣзнь Герасима, сдѣлала его такимъ худымъ, костлявымъ, страшнымъ!

Ознобъ прошелъ. Больной легко перевелъ духъ, вытянулся, точно послѣ тяжелой работы.

- Полегчало? - спросилъ, наклонясь, Иванъ.

- Ништо! - тихо отвѣчалъ больная, - руки, ноги болятъ... Изломало!...

Въ дверяхъ показалась Елена Тимофеевна съ чайникомъ.

- Не надо! - махнулъ ей рукой Иванъ.

II.

Герасимъ простудился ранней весною на этой же мельницѣ, провалившись по поясъ въ плотину, покрытую рыхлымъ талымъ льдомъ. Ему-бы, придя домой, снять мокрое платье, обсушиться, обогрѣться, а онъ подумалъ: что за глупости, чего привередничать! да пошелъ ходить по мельницѣ-то